

обходимостью разрешения проблемы выбора верных ценностных ориентиров индивида и общества, возникших как следствие обострения кризисных явлений в культуре, порожденных современной цивилизацией. Культура вообще, и музыкальная в частности, является своеобразным показателем развития общества.

Музыка являет собой убедительное средство гармонизации отношений между человеком и миром, она созидает общечеловеческие ценности, индивид, «вплетенный» в ход истории музыкальной культуры, создает, сохраняет и транслирует ценности, к примеру, такие как Красота, Добро, Истина.

Тем самым язык музыки представляет интерес с точки зрения его существования и должен рассматриваться в рамках философии музыки как специфическая информационная система, находящаяся в динамике, позволяющая сформировать у человека развитую концепцию бытия, обладающая развитой структурой.

1. Адорно Т. Избранное: Социология музыки; Пер. Левина М. И., Михайлов А. В. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 445 с.

2. Соколов А. С. Введение в музыкальную композицию XX века. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 231 с.

3. Сохор А. В. Вопросы социологии и эстетики музыки. Л.: Сов. композитор, 1981. 293 с.

4. Трубинов П. Ю. Музыкальная нотация в компьютерном представлении. Автореферат на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб, 2001. 15 с.

5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

И. А. Латыпов
Ижевск

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Актуальность данной темы связана с тем, что во всем мире и в России научная рациональность, давно подверженная жесткой критике экологических движений (включая радикалов экотерроризма, уничтожающих биологические исследовательские лаборатории) и быстро растущих религиозных организаций, с конца XX в. оказалась подвержена и постмодернистской критике, не признающей значения рациональности в целом. Постмодернистская деконструкция универсалий культуры нацелена, прежде всего, на научную рациональность.

С другой стороны, массовая культура, не делая различия науки и паранауки, обуславливает непонимание сущности науки и в обывательском сознании. В худшем же случае масс-культура дает образы ученых-фанатиков, разрабатывающих проекты, опасные для всего человечества. Инновационные проекты часто сталкиваются и с сопротивлением в повседневной деятельности различных организаций. «Инновация может не приниматься по причине потенциального влияния на существующие социальные связи в организации, так как угрожает иерархии власти и престижа, сложившимся на основе установленной технологии, точнее — предлагаемой ею системе контроля. Новаторы представляют для определенных социальных кругов организации *личную угрозу*. Причина сопротивления может заключаться и в том, что называется *local pride*. Организация уникальна, а грядущие изменения могут лишить ее этой уникальности»[1]. Поэтому инновационная деятельность субъектов научной рациональности сталкивается с риском противостояния окружению.

Кроме того, универсальность общих оснований научной рациональности часто оборачивается отсутствием специализации по отношению к частным проблемам. Тем самым, сформировалась непривычная для просветительского разума (или для веры во всемогущество НТР) ситуация, в которой оказалось необходимым защищать научную рациональность от нападков многих критиков и доказывать, что многие причины для ее критики вызваны либо недостаточной научной рациональностью, либо ее чрезмерной абсолютизацией. Как и во всем остальном, необходима определенная мера научной рациональности.

Все возрастающий интерес социальной философии к повседневности еще ярче выявляет эту проблему. В самом деле, универсальность общих положений науки отторгается обывательским менталитетом формирующегося «общества потребления» как нечто абстрактное и чуждое частным интересам.

В России же это изменение отношения к науке на долгое время оказалось осложнено социально-экономическими и социокультурными факторами. Российское общество последние полтора десятилетия не считало ценной науку (и научную рациональность), — если отличать декларации от реального положения вещей. Соответственно, отсутствие полноценного финансирования со стороны государства, так же как и отсутствие частных инвестиций в науку, до последнего времени были следствием и показателем отрицания социального запроса и востребованности научного знания. Российская наука не выдерживает конкуренции с добычей нефти и

газа. Атеистическая философия науки сталкивается с конкуренцией возрожденной религии (показательна популярность возрожденного храма Христа Спасителя при академически тихой пустоте коридоров соседствующего Института философии Российской Академии Наук).

Повседневным воспроизведением вышеупомянутого отношения к науке и к людям, ею занимающимся, в молодежной среде является то, что на многих сверстников-отличников «навешивается ярлык» «нудного ботаника». Повседневным становится восприятие научной рациональности самой по себе как «иссушающей», бесполезной (несмотря на «погоню» за дипломами, за формальным подтверждением научного статуса при отсутствии содержательных оснований этого).

Утрата прежнего статуса науки в России стала общепризнанной. Необходимо возрождение статуса научной рациональности. Решение этой проблемы возможно по нескольким направлениям.

С одной стороны, необходимо формирование позитивного общественного мнения по отношению к научной рациональности. С другой стороны, Морено говорил о необходимости осознания учеными-творцами идей того, что они сами и их идеи (их интеллектуальная собственность) используются всем обществом. Действительно, ранее «никакого внимания не уделялось наихудшей эксплуатации всех времен, практикуемой... всеми известными формами правления. Это эксплуатация творцов идей и изобретателей инструментов. ... Это органически продуктивное, но бессильное меньшинство, чья продуктивность стала поговоркой. В программах всех социалистических партий помещики и промышленные магнаты часто назывались ворами и грабителями, эксплуататорами и потребителями труда рабочего класса. На самом деле оба, как потребители, так и рабочий класс, эксплуатируют и пользуются идеями, процессами и инструментами, созданными беспомощными гениями всех времен. Творцы, если таковые вообще имеются, являются поистине наиболее эксплуатируемым меньшинством в мире» [2]. Ученые должны сами защищать свои идеи, патенты, авторские права так же, как и права личности.

Будучи непризнанной юридически, тем не менее, «научная собственность» (понятие, введенное Розенбергом [3]), как вид нематериальной собственности ученых, является основой развития научной деятельности. Научная собственность (собственные идеи, открытия, концепции ученых, отличающиеся творческой новизной) определяет развитие науки как непосредственной производительной силы и влияет на развитие общественного производства.

Таким образом, необходимо привлечение внимания научной общественности к осмыслению проблемы меры научной рациональности и ее возрождения в современном российском обществе.

1. Мешков А. А. Основные направления исследования инновации в американской социологии. // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 127.

2. Морено Дж. Социометрия // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 287.

3. Розенберг В. А. Научная собственность // Русская философия собственности XVIII-XX вв. СПб., 1993. С. 401–424.

Т. А. Логиновских
Курган

Г. РАДБРУХ: ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ

В современных западных концепциях философии права существуют различные направления, выражающие сущность права с определенных философских позиций. Так, в основе юридического позитивизма и неопозитивизма, обозначена идея права как позитивного закона, «очищенного» от всех других элементов права, не имеющих правового статуса. К таким элементам внеправового характера относятся вопросы морали, нравственных принципов и законов. Сюда же к не праву мы можем отнести психологические факторы, как-то чувства, эмоции, характер, темперамент и прочие. Всем этим онтологическим атрибутивным свойствам человеческого бытия нет места, когда речь идет о правовой реальности, о правовой ситуации вынесения приговора на суде. В такой юридической парадигме рассуждали Д. Остин, П. Харт, Г. Кельзин и др. Юридический реализм, видными представителями которого были О. Холмс, Дж. Франк, К. Ллевелин встало в оппозицию к юридическому позитивизму. Для него характерно недоверие к чисто теоретической деятельности, оторванной от жизни, необходимость обращаться к реальным судебным процессам. Законодательство, по мнению юридических реалистов, всегда неполно и содержит момент неопределенности. В реальной жизни на решение суда влияет много факторов, в том числе — психология судей, их система ценностей, неосознаваемые предпочтения и предрассудки. Жизнь права, как говорил О. В. Холмс, не подчиняется логике [1, 43].

В последние десятилетия происходит возрождение естественного права. В отличие от создателей классических теорий естественного права, современные сторонники данного направления не